

Можно сказать, что в этой системе гуманитарности культурология занимает свое особое место между социальными науками и персонологическим комплексом, играет важную опосредующую роль в изучении взаимосвязи социума и личности как последовательных потенциаторов и хранителей свободы.

Источник всего разнообразия современного единого мира (единого в своем разнообразии и разнообразного в своем единстве) коренится в сердце души каждой уникальной личности. И в этих глубинах бытия нет зла.

И. Е. Фадеева

**Метасимволика культурных пространств:
локальный текст в измерении цивилизационной семиотики¹**

УДК 008:1-027.21

На основании теоретического анализа концептуального уровня семиосферы и национального семиозиса автор обращается к социокультурному и семиотическому моделированию цивилизационных процессов. На материале исследования семиотики двух северных городов – Сыктывкара и Мурманска как пограничных зон «Северного текста» – в статье рассматриваются варианты культурных кодов, определяющих возможность продуцирования и репрезентации цивилизационных смыслов.

Ключевые слова: *семиозис, семиосфера, концепт, текст культуры, культурный ландшафт, визуальные и вербальные коды.*

I. E. Fadeeva. Meta-symbols of the cultural space: local text in the context of the civilization semiotics

The article is based on the theoretical analysis of the conceptual level of semiosphere and the national semiosis. The author refers to the semiotic and social modeling of civilization processes. The subject of this study is the semiotics

---

© Фадеева И. Е., 2012

¹ Исследование проведено в рамках проекта РГНФ «Культурные индустрии современного Кольского региона: состояние, способы обновления и практики» 03(а), 12-03-00394.

of two Russian cities – Syktyvkar and Murmansk as a semiotic boundary of “the Northern text” of the Russian culture. The author considers the variants of cultural codes that define the possibility of producing and representing the cultural meanings.

Keywords: *semiosis, semiosphere, concept, cultural text, cultural landscape, visual and verbal codes.*

Региональные культуры в начале XXI в. в России переживают не лучшие времена, подтверждением чему является депопуляция городов и населенных пунктов, отток населения в столицы и крупные города. Помимо социально-экономических факторов, определяющих изменения демографической ситуации в регионах, следует обратить внимание на ее социально-культурные и семиотические характеристики, в существенной мере задающие направление и характер миграционных потоков и демографических катаклизмов. Причем именно социокультурные и знаково-символические аспекты регионального развития могут оказаться сегодня наиболее перспективными, определяя идентификационные процессы и формируя образ локального пространства, созвучный социальным ожиданиям и, в конечном счете, социально-экономическим перспективам. В конце прошлого столетия с этой точки зрения региональная культура получила ощутимый теоретико-культурологический импульс к саморазвитию. Речь идет о «текстуальной революции» (см. [7]), подтолкнувшей исследователей видеть в каждом локальном географическом пространстве культурный текст: осмысленное, семиотизированное целое, устремленное к будущим символическим и интеллектуальным трансформациям, определяющим национальную и культурную идентичность, формирующим разные грани бытия и быта. *Оплотнение* исторического прошлого (времени) и географического (визуально-образного) пространства в целостно переживаемый и открытый интерпретациям *смысл* происходит как социокультурное конструирование в результате художественной или теоретической рефлексии текстов культуры. Однако в таком конструировании социокультурного пространства и культурно-исторического времени, реализуемом на основании архетипических образов («минимально необходимой визионерской позиции», по выражению Д. В. Замятина [2:256]), поэтической тропологии или историсофских моделей, выделяются две не всегда совпадающие позиции. С одной стороны, это «геопэтика» (А. П. Люсый) локального

текста, начиная с В. Н. Топорова, развернувшаяся в широкое виртуальное пространство мозаики/системы культурных локусов. С другой, это метафизика культурного ландшафта, культурная география, основанная на визуальном образе геокультурного пространства и продуцирующая «геофилософию». Постепенное вытеснение визуальными образами ментальных и вербальных репрезентаций, характерное для культуры постмодерна с его поворотом к «знанию *ad oculos*» [10:53], казалось бы, дает определенные привилегии развитию семиотики культурных ландшафтов. Между тем собственные историко-культурные традиции того или иного пространственного локуса в их порой парадоксальном и не прямолинейном развитии далеко не всегда оправдывают такие ожидания.

По мысли Д. Н. Замятина, истоки культурной географии обнаруживаются в западной философской мысли от М. Элиаде, М. Фуко до Ж. Делеза, Ф. Гваттари и М. Хайдеггера [2]. Напротив, философская концептуализация, согласно Ж. Делезу и Ф. Гваттари, связанная с историко-географической почвой, для русской культуры – явление позднее. Оплотнение российской истории и географического пространства (конструирование образно-ментальных сгущений культурно-исторического опыта, то есть, в итоге, культурно-национальной идентичности) характеризуется преимущественно продуцированием *локальных культурных текстов*. Научно-философская рефлексия географических образов именно в России с ее многоликим ландшафтом и необозримыми горизонтами заявила о себе лишь к началу XXI в. Самоопределение русской философии, вырастающей из рефлексии по поводу художественной (вербальной/ментальной) образности (центральной фигурой при этом, как известно, был Ф. М. Достоевский), обретало порой парадоксальные очертания. «Декарт, попав в Россию, – пишут Ж. Делез и Ф. Гваттари, – сходит с ума», порождая фигуру Идиота у Ф. М. Достоевского... [1:82]

Философская концептуализация – квинтэссенция семиосферы (системы культурных кодов, языков, текстов), становление которой представляет долгий процесс оплотнения «концептуальных персонажей». Именно *философский код* (система философских концептов, реализуемых и означенных, семиотизированных в текстах) определяет окончательное становление семиосферы. «Стратиграфия» семиосферы, опираясь на мифопоэтические и визуальные архетипические

образы и символы, завершается концептуальным слоем философской мысли, конструирующей, уже в обратном порядке, мифопоэтику и символику обыденного сознания. Эстетическая дистанция отделяет непосредственное переживание непосредственной символики «жизненного мира», с одной стороны, и ее наблюдение внутренним или сторонним наблюдателем, с другой, снимая болезненность переживания интеллектуально-эстетической интерпретацией, то есть продуцированием и означиванием смыслов. Результатом такого кругового движения становится *метасимволика культуры* – надконцептуальный уровень *вторичной образности*, определяющей уже на прагматическом уровне жизнь человека и его самоидентификацию. В этом случае возможно говорить о национальном семиозисе как о бесконечном процессе смыслопорождения.

Реализация (семантизация) метасимволики культуры может быть основана на двух не совпадающих, взаимодополнительных кодах – визуальном и вербальном (в терминологии И. П. Смирнова – «наглядном и мыслимом» [10:35]): локальный текст и культурный ландшафт – два варианта метасимволической авторефлексивности (самонаблюдаемости) культуры, часто основанной на интериоризации позиции внешнего наблюдателя.

Вопреки негласно принятому в отечественной гуманитаристике, исходящей из иллюзий и утопий советской эпохи, мнению о превалирующей роли «народа» в культуротворчестве, выскажем мнение противоположное. Семиосфера, так же как и ее порождение – локальный культурный текст или культурный ландшафт, – результат интеллектуальных усилий по их конструированию. Причем эти усилия реализуются преимущественно во враждебном пространстве традиции¹. Д. Н. Замятин утверждает, что образно-географические интерпретации развития России, как и становление геополитического образа Руси-России, были тесно связаны с «историей власти» [3]. Семиотика пространства, формирование которой было задано как бесконечное расширение геополитических пределов власти, стала, в конечном счете, основанием «мозаики геософских образов» [3], однако пространст-

---

¹ Противоположная позиция – формирование «городского текста» Сыктывкара-Усть-Сысольска («Города») как результат развития фольклорно-этнических традиций – представлена в этом выпуске журнала статьей Ю. П. Шабаева «Культурное пространство столицы Коми: первичный и вторичный текст».

венная бесконечность, добавим, не могла быть обхвачена как единый оком, определяя необходимость «мыслимых» репрезентаций. Их визуально-пространственная неопределенность представляла как символические миры с потенциально множественными интерпретациями, амбивалентностью и суггестией. Постоянное расширение территории вело также и к трансформации геополитики в геопоэтику, при завершении центробежного «собираения» русских и нерусских земель определив варианты геофилософии от идеи всеединства В. С. Соловьева до теории евразийства. Соотношение «земли и территории», определенное, согласно Ж. Делезу и Ф. Гваттари, двумя факторами: «детерриториализации (открытие территории вовне, от территории к земле)» и «ретерриториализации (от земли к территории, восстановление территории через землю)» [1:110–111], в случае России задавало своеобразие геопоэтики («геополитических образов»). «Пограничность» [3] как семиотизация исторического процесса расширения российского географического пространства стала основанием калейдоскопичности, мозаичности культурного пейзажа.

Одной из предпосылок исследования является мысль А. А. Нецадина и Г. Л. Тульчинского о городе как «саморазвивающейся системе», предполагающей такие его свойства, как «открытость, полиструктурность и полифункциональность, дискретность внутренних изменений» [8:39]. В качестве актуальных для нашего региона выберем два социокультурных территориальных локуса: Сыктывкар (как административный, культурный, семиотический центр Республики Коми) и Мурманск (центр Кольского полуострова). Научная актуальность такого выбора связана с малой изученностью этих процессов в «пограничных» по отношению к некоторому центру образований, сама пограничность которых (маргинальность) является местом семиотических трансформаций. В данном случае имеется в виду не столько «провинциальность» как периферийность по отношению к столице, а семиотическая маргинальность: и Сыктывкар, и Мурманск представляют собой край, границу «Северного текста» русской культуры. И эта периферийность двойка. С одной стороны, это наличие нерусского этнического субстрата (коми, саамы). С другой – географическая периферийность, удаленность от столиц, граница (Республика Коми – последнее территориальное образование до Урала – границы Европы и Азии; Кольский полуостров – граница земли и моря, пограничье со

Скандинавскими странами). Такая маргинальность (на повседневном уровне воспринимаемая как маргинальность культуры, образования, науки), провоцируя отток населения в центральные или столичные регионы, фиксирует исторически сложившиеся черты семиосферы (устойчивой системы кодов, текстов, смыслов), представленные как семиотическая замкнутость или пустотность. Ярким примером такой региональной замкнутости является региональная ориентация гуманитарных исследований Института языка, литературы, истории Коми научного центра (УрО РАН), некогда филиала АН СССР. Удаленность от центра (а значит, от архивов, музеев, научной общественности) определила позиционирование гуманитарного знания как направленного на изучение этнических и языковых процессов, археологии и истории Коми края, фактически закрыв путь теоретическим фундаментальным исследованиям. В частности, характерно отсутствие философских исследований при явном наличии самостоятельно развивавшейся в Коми крае философской мысли, правда, за пределами РК, но представителями коми – П. Сорокиным, К. Жаковым, В. Налимовым, сформировавшим философию, которую можно было бы предварительно назвать «зырянским космизмом». Не менее ярким примером является и отсутствие композиторской школы – создание «серьезной» музыки было явно ограничено априорно сформулированной советским руководством концепцией о необходимости доминирования в национальных «окраинах» народного искусства, фольклора (на поверку – псевдо-фольклорного песенного новодела). Все это стало, на наш взгляд, одним из немаловажных факторов того, что, по мнению Ю. П. Шабая, М. Б. Рогачева и Г. С. Рябинкина, сегодня в Республике Коми и в Сыктывкаре в роли «гения места» не выступают знаковые фигуры – Питирим Сорокин или Стефан Пермский [15:89–90]. Культура, позиционирующая себя как периферийная, региональная, формирует самосознание изначально ущербное, порождая маргинализм как способ самоидентификации.

Между тем заслуживает внимания предположение, что превращение семиосферы – устойчивого образования в семиозис – подвижное не самождественное (ризоматичное) целое происходит как раз в семиотически пустотных топосах; сам семиотический провал, а семиотичность позволяет генерировать иные смыслы. Такая генерация смыслов, вырастающая как «география ума», по выражению

Ж. Делеза и Ф. Гваттари, для Коми оказалась представленной рядом философов, родившихся в Коми Крае, хотя и закончивших свою жизнь за его пределами. Это П. А. Сорокин, К. Ф. Жаков, В. В. Налимов. К этой триаде можно добавить философа и автора философско-педагогической теории, обосновывающей сущность образования с философско-антропологических и культурологических позиций, – С. Й. Гессена. Такое «сгущение» интеллектуальных сил – то есть появление «концептуальных персонажей», хотя и отброшенных за пределы породившей их «географии ума», определяет необходимость выявить, каким образом мысль «формируется географическим пространством» [1:124].

Рабочей гипотезой будет предположение, что движение русской культуры от центра к периферии изначально было реализовано как проект семиотический и культуртрегерский – в том, разумеется, его понимании, которое было ограничено сначала представлениями средневековья, а затем имперской идеологией. Советская власть, переименовав Усть-Сысольск в Сыктывкар, изменила семиотику города: национальное получило самостоятельный семиотический статус, хотя и не вытеснило имперских идеологем теперь уже в их тоталитарном облики. Усть-Сысольск, созданный по указу Екатерины как северо-восточная веха на карте империи и существовавший в дальнейшем как место ссылки, но при этом «привязанный» к этнически чужеродному окружению, стал плавильным котлом семиотических трансформаций, неизбежных в ситуации языковой границы. С одной стороны, визуальный код, трансплантированный извне и идеологически однозначный, практически не был связан с традиционной архитектурой – например, храмостроительство в Коми крае осуществлялось, начиная с XIX в., по типовым проектам: русско-византийский стиль в его упрощенном варианте надолго определил формирование местного культурного ландшафта. И даже попытки «этнизации» в городской застройке как пути формирования сколько-нибудь узнаваемого визуального облика Усть-Сысольска-Сыктывкара (предпринятые в 60–70 гг.), ограничившись орнаментальными мотивами, не принесли существенных изменений в «нулевое» визуальное пространство города. К тому же, Сыктывкар (как и Мурманск), уже изначально являясь полиэтничным и мультикультурным городом (Усть-Сысольск – место ссылки пленных французов и поляков; население Кольского полуост-

рова включало в свой состав переселенцев из Скандинавии), в советское и особенно в постсоветское время стал городом интенсивных международных связей. По справедливому замечанию Ю. П. Шабая, М. Б. Рогачева, Г. С. Рябинкина, «открытая экономика неизбежно привлекает в любой крупный город иностранцев и сам город становится все более космополитичным» [14:61].

С другой стороны, само этническое, занимая маргинальные позиции, постепенно изменяло свои семиотические очертания. Позднее формирование литературного коми языка, отсутствие профессиональной живописи и музыки (до прихода советской власти) явно тормозили развитие национального семиозиса коми. В результате самоопределение национальной и культурной идентичности, постепенно накапливая смысловой и ценностный потенциал (в языковой теории Лыткина, поэзии И. Куратова, позднее – в конструировании этнического своеобразия в парадигме колдовства и знахарства А. С. Сидоровым и т.д.), нашло свое воплощение в творчестве Каллистрата Жакова. Однако формируемый им «зырянский текст» стал (и то весьма ограниченно в силу не слишком большой популярности автора) текстом *русской* культуры. Писавший на русском языке и живший сначала в Петербурге, а затем в Риге, Жаков создавал образ своей культуры, ориентированный на прочтение «извне», притом, что и культурным кодом, определяющим прочтение этого текста, стал язык русского символизма. Философия лимитизма Жакова, явно несущая на себе черты не только философских веяний русского серебряного века, но и выражающая национальное самосознание коми (отметим, что этот вопрос еще ждет своего исследователя), также была изложена автором на русском языке.

Вообще говоря, философия как «культура души», согласно Цицерону, представляет собой наиболее точный слепок национальной ментальности – воплощая «территорию и почву», вырастая из геофилософской мысли, она составляет необходимый компонент в системе культурных языков и кодов. В коми культуре ситуация оказалась парадоксальной: явно выросшая из почвы, философия К. Жакова (лимитизм как вариант геософии), обрела себя в рамках русской философской дискурсивности. Для сравнения: процесс, болезненно проходивший в самой русской культуре на протяжении XIX в., завершился всплеском философской мысли в начале XX – маркировав тем самым

становление русской семиосферы и открыв дорогу движению национального семиозиса.

В этом пункте сопоставление Мурманска и Усть-Сысольска-Сыктывкара обрывается, открывая обширную область различий. Основанный в последние годы Российской империи и долгое время позиционированный как «северные ворота» страны, Мурманск также стал центром (преимущественно административным) инонациональных культур – в основном саамов и коми-ижемцев (оленоводо́в), которые, однако, на протяжении XIX в. не создали своей профессиональной культуры, оставшись в рамках традиционных ее форм и жанров. Поэтому статус Мурманска как административного центра региона не был связан с центрацией семиотических и собственно культурных течений в рамках автохтонной традиции: население Мурманска всегда было преимущественно русским – в отличие от Усть-Сысольска-Сыктывкара, где этнический субстрат – коми – до второй половины XX в. занимал вполне прочные позиции. Основную долю населения Мурманска и сегодня составляют русские – 85,2 %, включая в себя как старожильческое население, так и мигрантов [6].

Качественно иная ситуация складывалась в Усть-Сысольске-Сыктывкаре. По данным переписи 1897 г., численный состав коми и русского населения здесь был представлен, соответственно, 82,9 и 16,4 % [9]. Однако в годы советской власти ситуация изменилась на диаметрально противоположную: уже в 2002 г. эти цифры составили 58,4 % (русские) и 30,6 % (коми) [9]. Стремительное изменение демографической ситуации не могло не сказаться на семиотических процессах: ситуация для Сыктывкара и для юга Республики Коми оказалась неоднозначной. При семиотическом и культурном доминировании русской культуры и русского языка, численно превосходящее автохтонное население оказалось вовлеченным в культурную и семиотическую интеграцию с русским: несовпадение количественных и смысловых показателей вело к внутренним изменениям культуры коми. Формирование философской мысли, носителями которой были представители коми этноса – П. А. Сорокин, К. Ф. Жаков, В. В. Налимов, реализовалось не только в рамках русской культуры, но и *за ее пределами*. Выстроенная как виртуальный мир исторических фантазий у К. Жакова, культурная идентичность коми изначально предстала *как текст*: оплотненная в ментальном пространстве история, тради-

ционная культура и геософия. При этом, несмотря на очевидные элементы своеобразия, визуальный облик РК остался в пределах имперских идеологем и непродуктивных визуальных кодов. Поэтому вовлечение коми во взаимодействие с «финно-угорским миром», а также отсутствие тысячелетиями складывающегося культурного ландшафта привело, на наш взгляд, к европеизации коми и столицы Республики (как, в то же время, и центра этнического «Юга») – Сыктывкара, – *минуя* русскую традиционную культурную идентичность, визуально маркированную монастырской и храмовой архитектурой средней полосы России. Можно утверждать, на наш взгляд, что визуальная образность культурного ландшафта оказалась невозможной как в Сыктывкаре, так и в Республике Коми в целом, хотя опыт визуализации геокультурного пространства можно наблюдать сегодня в этнофутуризме (не очень широко, по сравнению с другими финно-угорскими регионами, представленного в РК). Вместе с тем разрыв между имперскими (и продолжившими их советскими) идеологемами, с одной стороны, и автохтонной культурой «колдовского народа», «лесных людей» коми-зырян – с другой, не был преодолен. Усилия по его преодолению посредством формирования метасимволики культурного текста, хотя и были начаты деятельностью К. Ф. Жакова, А. С. Сидорова, В. Савина (репрессированного по обвинению в национализме в 1937 г.) и др., остались незавершенными в силу известных исторических обстоятельств.

Иная ситуация складывалась в Мурманске. Несмотря на то, что Терской берег уже с XVIII в. входил в состав новгородских земель, а с начала XVIII в. – Архангелогородской губернии, город Мурманск (Романов-на Мурмане) был основан в качестве незамерзающего порта в годы Первой Мировой войны. Развитие города уже в советскую эпоху было связано с развитием морского порта и экономикоресурсной базы. Советский по преимуществу Мурманск оказался городом, построенным на семиотическом разломе: историко-культурный разрыв между петроглифами Кольского полуострова, культурой саамов и поморов, с одной стороны, – и (пост)имперской советской культурой, использовавшей национальные формы в «социалистическом» по сути содержанию – с другой, определили особый характер семиотических процессов Мурманска. Но там, где отсутствует прямая семиотическая преемственность, заявляет свои права культурно-

ландшафтная *ино*-семиотическая платформа. Современная геопоэтика Мурманска, выстраиваемая в рамках массовой культуры, позиционируется на основании мифологем «края света», страны «Гипербореев» (см., например, интернет-портал «Все о Гиперборее» [4]) – или, напротив, апокалиптического мира, визуально оплотненного художественными и документальными фильмами о Великой Отечественной войне, романами В. С. Пикуля и романтикой северных морей В. В. Конецкого. Визуальный код, формируемый пересечением геологических и географических условий, с одной стороны, и визуализацией исторической памяти – с другой, постепенно все очевиднее определяет уникальность культурного ландшафта края. При этом Мурманск, как и Кольский полуостров в целом, всегда позиционировался в качестве советского концепта-мифологемы «нового мира», эсхатологизм которого не раз подчеркивался историками культуры и семиотиками¹. Показательно, например, название первой передачи областной студии телевидения (6 ноября 1957 г.): «Край, рожденный Октябрем» [6]. Созвучной такой концептуализации была не только апокалиптика военно-морской тематики, но и конструируемой этнографами и антропологами саамской мифологии. Говоря о мифологии саамов как одной из составляющих «метафизику Севера», Н.М. Терехин отмечает парадоксальность – «перевернутость» саамского универсума, основанного на шаманизме и связанной с ним «эсхатологической парадигме» [13:254]: «Эсхатологическая устремленность саамской культуры обусловила инвертированность ее сакрального ядра – религиозно-мифологической модели мира» [13:257]. Геоклиматические условия заполярья с одной стороны, а с другой и в то же время шаманский, согласно Н. М. Терехину, тип освоения пространства, определили *а-визуальный* характер «пространственного менталитета саамов», заданного «мировидением шамана, который *не нуждался в обычном зрении*, а руководствовался во время своих путешествий внутренним *духовным видением*» [13:246] (*выделено мной.* – И. Ф.). В результате образ географического пространства, связанный с реальными климатическими и геологическими условиями Кольского полуост-

---

¹ Говоря о новом советском кинематографе, И. П. Смирнов замечает: «Киноискусство сталинской поры было эсхатологичным, как и весь тоталитарный "символический порядок", развившийся в сторону "окончательного решения" разных проблем, которые до того стояли перед человечеством» [10:148] (*выделено мной.* – И. Ф.).

рова, определил парадоксальную а-визуальную семиотику визуальных образов.

Визуализация оказалась возможной в советском варианте апокалиптического мифа: эсхатологическая символика нашла свое визуально-образное воплощение в кинематографии, сама иллюзорность видеоряда которого лишь усиливала мотив трагической гибели как центральный для саамской мифологии (см.: [13:254]), но существующий уже в новом облики – как мотив военной героики.

Автохтонная культура саамов, являясь предметом этнографических и культурно-антропологических исследований, оказалась в центре внимания в том числе и профессионального кинематографа, уже не связанного с военно-морской тематикой, значимой для советской апокалиптики. В 1987 г. в Норвегии был снят фильм «Проводник», в основании сюжета которого лежит саамская легенда о мальчике, спасшем стойбище от нападения «чудов». И хотя мотив гибели значим и здесь, предметом художественной интерпретации для сценариста и режиссера становится мифологическое мировосприятие, миф как способ жизни: эстетизация истории, фольклора и географических реалий становится в результате возможным основанием «географической образности». При этом формирование географической образности предстало в результате исторически и географически формируемой *эстетической дистанции*, или, используя выражение М. М. Бахтина, эстетического «завершения» (но, добавим, уже «оплотненного») семантико-символического комплекса.

Разрыв между двумя центральными семиотическими парадигмами конструирования локального культурного текста/ландшафта Кольского полуострова – военно-морской, индустриально-переобразовательной – то есть советской (а значит, скрыто эсхатологической), с одной стороны, и саамской и поморской как частью «метафизики Севера», – с другой, определил неоднородность локальной культурной семиотики, затруднив тем самым возможности моделирования метасимволического пространства региона. Связующим звеном между двумя семиотическими парадигмами стал эсхатологический миф в двух его вариантах: саамского шаманизма и советской военной героической апокалиптики. Безусловно, это обстоятельство не позволяло реализовать эффективный брендинг Мурманска и не могло способствовать позитивной самоидентификации его жителей, способст-

вужа депопуляции Мурманска и Кольского полуострова в целом (например, за период с 1989 по 2002 г. средняя плотность населения снизилась с 8 до 6,2 человек на 1 километр [6; 11]). Морской порт и война – два семантических центра, в рамках которых формировался символичный и текстовый мир Мурманска, и которые, казалось бы, не были связаны с фольклорно-историческим и этнографическим материалом, но на глубинном уровне эти разнородные смыслопорождающие модели обнаруживали внутренне сходные смыслы.

Между тем анализ показывает возможность и иных векторов моделирования социокультурного пространства как пространства метасимволического, то есть надстраивающегося над основными концептуальными, символическими и семантическими локусами и объединяющего их. В определенном смысле Кольский полуостров составил бы очевидный географический pendant полуострову Крымскому, если бы, однако, в отличие от последнего, его семиотика, привязанная к советским по своему происхождению идеологемам, не оказалась как бы *вне* исторической и цивилизационной преемственности. Визуальные ряды петроглифов (с их мистическим, историческим, геокультурным и мифологическим потенциалом) остались за пределами советской, то есть на протяжении почти всего XX в. реализуемой, семиотизации (если не считать их вторичного использования в декоративно-прикладном искусстве). Напротив, Крым, как это убедительно показано А. П. Люсым (см. [7]), стал семиотическим центром, вобравшим в себя не только разнородные исторически разворачивающиеся смыслы и геополитические проекты, но и геопэтику практически всей русской литературы, видевшей в Крыме образ Древней Греции и Италии, Византии и Европы, древней Кимерии и мечты о Константинополе. Крымский текст русской культуры, действительно, стал, наряду с Петербургским (В. Н. Топоров), фактором цивилизационной семиотики. Метасимволика Крыма – результат оплотнения цивилизационных процессов, притом, что, заметим, оплотнение истории в текстах – механизм формирования любого локального культурного текста. Обживание «пустотного» пространства требует не только инженерных, но и семиотических усилий – исторический парадокс заключается в том, что семиотизация начинается с цитаты: так начинался Петербургский текст (Санкт-Петербург как город-цитата), так начинался Крымский (театрализованный квест Екатерины как цитата из гранди-

озного спектакля – театра исторических действий (см. [7])). Причем, если при формировании Крымского текста значимым оказался выход к Югу и южным морям как фактическое продвижение на Запад, то таким же путем на Запад, только через Север, является Кольский полуостров (в Мурманске находится единственный в России глубоководный порт – ни Санкт-Петербург, ни Архангельск не являются в этом смысле соперниками Мурманска). Название города – Мурманск – исследователи связывают с этнонимом «норман»: «пограничность» российской цивилизации и здесь определяет возможность дальнейшей семиотизации пространства как границы с Европой – Скандинавией. К тому же, начиная со второй половины XIX в., и особенно после принятия в 1868 г. Закона о льготах колонистам, происходит приток на Кольский полуостров значительного количества норвежцев и финнов [6]. Пограничность и разрывность семиотики Кольского полуострова и его центра – Мурманска – в годы перестройки стала осознаваться не в качестве апокалиптической границы конца света – или, в советско-романтическом варианте – как площадки мощного индустриального развития и освоения природных ресурсов (в парадигме апокалиптики «Нового мира»), а как место взаимодействия с культурами Запада. По данным Кольской энциклопедии, «во время визита в Мурманск М. С. Горбачевым были выдвинуты знаменитые "мурманские инициативы" по созданию на Севере Европы безъядерной зоны и активизации здесь международного сотрудничества, в результате чего Север России все чаще стал рассматриваться в качестве зоны сотрудничества СССР со странами Западной Европы» [6]. Увиденная с этой позиции эсхатологическая культура саамов, традиционная поморская культура и визуальные ряды петроглифов предстают в свете взгляда иной культуры, обретая тем самым театрализованную демонстративность; эстетическая дистанция снимает напряженность эсхатологического мифа.

Таким образом, семиотическое моделирование социокультурного пространства Мурманска – формирование региональной семиосферы – состоит в «геософской» концептуализации разнородных смыслов. Предварительный анализ показывает, что направление формирования метасимволического, надконцептуального пространства города наиболее вероятно как создание *визуально-образных* рядов культурного ландшафта, открытого в пространство иной культуры – однако ус-

пешной реализации такого проекта препятствует *незавершенность цивилизационной концептуализации целостного пространства России*. В отличие от Мурманска, формирование метасимволики Сыктывкара-Усть-Сысольска представляется возможным двояким образом. С одной стороны, как развитие ментального пространства «зырянского текста» с последующей его визуализацией в социокультурном проектировании (например, в рамках проекта этнопарка или при качественно ином уровне развития регионального кинематографа). С другой – как выявление «географии ума», геофилософии, то есть теоретическое описание философии П. Сорокина, К. Жакова, В. Налимова в их связи с «территорией и землей», и конструирования на этом основании *ментальной надконцептуальной символики*.

В любом случае структурирование цивилизационного пространства Севера, а значит, в том числе и Сыктывкара и Мурманска, – одна из актуальных социокультурных и демографических задач, одним из путей решения которых может стать анализ цивилизационной семиотики.

-
1. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб. : Алетейя, 1998.
  2. Замятин Д. Н. Феноменология географических образов // Новое литературное обозрение. 2000. № 46.
  3. Замятин Д. Н. Стратегии интерпретации историко-географических образов России // Отечественные записки. 2002. № 6 : сайт. URL: <http://magazines.russ.ru/oz/2002/6/>
  4. Интернет-портал «Все о Гиперборее» : сайт. URL: <http://www.yperboreia.org/efimova.asp>
  5. Кабыш З. Загадочная Гиперборея. Поиски древней цивилизации могут стать туристским брендом региона // Мурманский вестник. 31.03.2011 : сайт. URL: <http://www.mvestnik.ru/shwpgn.asp?pid=201103311245> (дата обращения 19.09.2012).
  6. Кольская энциклопедия : сайт. URL: <http://kolaenc.gov-murman.ru/> (дата обращения 19.09.2012)
  7. Люсый А. П. Новейший Аввакум. Текстуальная революция в России в свете первой мировой Крымской семиотической войны. Саарбрюкен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012.
  8. Модернизация России: территориальное измерение / под ред. А. А. Нецадина и Г. Л. Тульчинского. СПб. : Алетейя. 2011.

9. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Таблица XIII. Распределение населения по родному языку. Т. 1–50. СПб. : 1903–1905 : сайт. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php (дата обращения 19.09.2012).
10. Смирнов И. П. Видеоряд. Историческая семантика кино. СПб. : Петрополис, 2009.
11. Статистический сборник: Численность, размещение и возрастно-половой состав населения Мурманской области. Итоги Всероссийской переписи населения. М., 2012. Том 1 : сайт. URL: <http://murmanskstat.gks.ru/census/DocLib1/Тома%20официальной%20публикации%20итогов%20ВПН-2010.aspx>
12. Сыктывкару – 230 лет. Статистический сборник. Сыктывкар, 2010.
13. Терехин Н. М. Метафизика Севера. Архангельск : Издат. Поморского государственного университета, 2004.
14. Шабает Ю. П., Рогачев М. Б., Рябинкин Г. С. Антропология города: культурное пространство столицы Коми и городская идентичность // Человек. Культура. Образование : научно-образовательный и методический журнал. 2012. № 1 (3). С. 47–80.
15. Шабает Ю. П., Рогачев М. Б., Рябинкин Г. С. Антропология города: культурное пространство столицы Коми и городская идентичность. Продолжение: начало статьи в № 1 (3) // Человек. Культура. Образование : научно-образовательный и методический журнал. 2012. № 2 (4). С. 85–95.